

обвивою испаде на землю из рук его, он же вскоре его не обрете; враг же создади его седя, Бруне же сего не ведящу, и мняше враг себе нечто пищу зрети, зане красовиден бе, и с великим усердием ухвати перстень и вложи во уста своя» (лл. 257 об.—258 ркл.).

Такой способ изложения весьма показателен для данного перевода, и стилистически он примыкает не к литературе светских повестей XVII—XVIII вв., которым архаичность языка не свойственна, а к группе переводных произведений житийного, богословского и учительного содержания. На мысль о сопоставлении с последними натолкнуло одно несомненное заимствование из печатного Анфологиона 1660 г. А именно, плач покинутой Медеонии в повести о Бруне дословно повторяет слова жены Алексея, человека божия (перевод Арсения Грека), слегка видоизменив их согласно новым обстоятельствам (механическое приспособление привело даже к бессмысленному сочетанию слов «живомужня ж е н а», вместо «живомужня вдова»).

Повесть о Бруне (лл. 258 об.—259 об).

Житие Алексея, человека божия (Анфологион, 1660 г., стр. 20—22)

«и нача (Мелеония) горестно плакати, глаголя сице: Увы мне, безрадостной невесте, живомужней жене и бедной! Горе мне, окаянной и злочастной! Ох, увы! Где обретесь возлюбленные мои обручник, и в каком месте есть, что был еси женише мои любезнейшии? Чесо ради толико явилми ся еси жестокии ко мне? Како оставил мя еси в пустыни сей? Которое зло тебе сотворила, что тебе погрешила? За кую вину отрекся еси мене, толико возненавидел еси мене, яже бы предательница тебе была? Аще имел еси намерение оставить мя, чесо ради от боку родителей моих отлучил еси мене и положил еси в срам и мучение? Ох, увы! где ныне обретаешися, любезнейшии мои, да известиши ми, камо поиду и что буду. Но ни едино попече-

«И слышаше многожды жену свою святыи глаголати нижныя плачи по женскому обычаю. Горе и *оувы мне безрадостной невесте, живомужней вдове и бедней. Горе мне окаянной и злополучней, в каком месте обретается возлюбленными сожителю мои, что был еси, женише мои любезнейшии.* Како явился еси толико жестокии ко мне окаянной, и не пребыл еси поне единого дне, да насладится (так!) един другого. *Кое тебе зло сотворила есмь. Что тебе погрешила, и отреклся еси мене. За кую вину толико возненавидел еси мя. Аще имел еси намерение оставить мя, чесо ради положил еси в мучения, и скорблю толико лет о любви твоеи немилосерде.* И поне часть писания не послал еси проведати како пребываеши в странстве и где обретаешися, да известуеши мне, что да буду камо поиду. Но ни едино попечение о мне имаши, токмо оуневестил мя еси всеу и безвременно. Та же побегл еси, и огнушался еси мене толико, яко же была бы предательница твоя. Но